

Алексей Лельчук

Истории без географии

Сборник рассказов

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Алексей Лельчук
Истории без географии

«Автор»

2005

Лельчук А.

Истории без географии / А. Лельчук — «Автор», 2005

ISBN 978-5-532-06376-1

После школы мне не сиделось на месте. Каждый следующий год я проводил в новом городе, а то и в новой стране. Новосибирск, Дзезказган, Москва, Нью-Йорк, Бостон, Тель-Авив, Иерусалим, опять Москва, Подмосковье. Но истории, конечно, не о местах, а о людях и чувствах.

ISBN 978-5-532-06376-1

© Лельчук А., 2005

© Автор, 2005

Содержание

Альбом молодого художника	5
24 рубля	10
Тапки	12
Спички	13
Звезда	16
Я и город	21
У озера	24
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Алексей Лельчук

Истории без географии

Альбом молодого художника

Плоская Москва

Я уже привык к Москве и даже в чем-то ее полюбил. Например, если встать у Елисейского и посмотреть вниз на Тверскую... К вечеру, когда чуть стемнеет, что-то в воздухе происходит, и картинка перестает быть объемной. Гудящая машинами Тверская со всеми своими домами, фонарями, Моссоветом и Интуристом становится плоской – как в кино или на картине.

Плоские автомобили плоско выстраиваются в плоские ряды у светофора и, плоско уменьшаясь, плоско несутся к следующему, который меньше первого по размерам, но стоит с ним рядом, только чуть-чуть пониже. Самую чуточку – вот так. И Интурист растет плоским пятым этажом прямо из плоской разделительной полосы. Так что плоские иностранцы, выглядывая в окна, видят прямо перед собой плоские проезжающие машины – близко-близко, самые колеса. А вот плоская «Волга» припарковалась, и даже бампером слегка задевает кремлевскую звезду. Та здесь же плоско вырастает из плоского тротуара.

И это потому, что Елисейский магазин стоит на горе, а Никольская башня – в яме, там раньше речка была, и поэтому она своим верхом приходится как раз вровень с чьим-то бампером.

А так как вечером объема не видно, то и кажется, что все это нарисовано на одной картинке. Кстати, древние русские лубки и жития святых так и рисовались – все на одной плоскости, только разного размера. Может быть, предки наши творили все больше вечерами?

Плоско же все потому, что сумерки, и фонари светят несильно, и влажный густой воздух, и серые здания, и серые люди, и нет зелени, потому что зима, и нет снега, потому что не выпал. И нет реклам и ярких вывесок, чтоб осветить то, на что не хватает фонарей. И так уютно!

Как будто сидишь дома в теплом кресле и смотришь на противоположную стену. А на стене – картина, «Тверская улица вечером. Зима 1992 года».

Неумолимо

Скорый поезд движется к югу неумолимо.

Неумолимость эта – в скорости, прямолинейности и чем-то еще. Наверно, в покачивании на стрелках, стыках и неровностях полотна. Мол, и путь не так уж ровен – стыки, кривули, рытвины, – но мы все равно вперед, прямо, скоро.

В самолете нет этого ощущения, там вообще нет понятия движения. В самолете есть понятие – провести четыре часа времени. С движением это напрямую никак не связано. Поднимаясь по трапу в Москве, ты уже мыслями на месте – просчитываешь, как успеть на семи-часовой автобус из аэропорта.

Когда идешь пешком, всегда можно обернуться, остановиться, повернуть, – своя воля. На машине – тоже. Из троллейбуса можно выйти на остановке. Автобус можно попросить: «Остановите автобус». Даже в пассажирском поезде нет той неумолимости. Он движется медленнее, часто останавливается, – его приходится часто подгонять мысленно. Он движется медленнее, чем мысль о его движении.

Скорый поезд движется быстрее, чем мысль. И стоя у открытого окна, можно глазами наблюдать, как он метр за метром прорывается сквозь пространство – раньше, чем туда проникает твоя мысль.

Кстати, самолет, – хоть и летит очень быстро, – движется гораздо медленнее мысли, так как мысль тогда, как уже было сказано, мгновенна.

Стабильность

В городе лето.

В городе день.

В городе жарко.

Над горизонтом ни облачка.

Голубизна неба огромным конусом взвивается вверх – голубая крыша. Зелень травы сплошным ковром обнимает газоны – зеленый пол. Зелень деревьев столпилась вокруг – зеленые стены.

Зеленая комната.

– Хм. Но в комнате должна быть дверь.

– Верно. Оглянитесь назад, мы в нее вошли.

– Хм. Но в комнате должно быть окно.

– Верно. Взгляните вперед. Голубое окно в небо.

Синие машины везут коричневые бревна на пилораму. Красные машины везут серый цемент на стройку. Желтые автобусы везут граждан на квартиры.

Джинсовые шорты гуляют с темными очками. Желтая кепка гуляет с майкой Oxford University. Зеленая фуражка гуляет с четырьмя звездочками. А серая – с резиновой дубинкой. Бабушка гуляет с авоськами. Очередь за пивом гуляет с гиканьем и свистом. Солнце не гуляет. Солнце стоит и палит. Греет. Жарит. Работает.

– Эй город, что это у тебя там справа?

Город оглянулся. Да нет, вроде бы, все на месте. Окно. А в окне?

В окне летели они. Колючие силуэты на светлом небе. Невысоко. Но и не низко. Вплотную друг к другу. Выстроены в линию. И очень много.

Налево? До горизонта. А направо? Тоже до горизонта. Бесшумно приближались они.

Город не понял. Город присел. Город вдохнул.

Медленно летят, приближаются, под брюхом у каждого – смерть. Верная смерть всему. Но летят молча, бесшумно. Город ждет – что будет.

Ничего. Хвосты. Торчащие в небо хвосты. Колючие силуэты на светлом небе. И нет их. Пролетели.

Вертолеты. Армейские вертолеты. Штурмовики с полным боевым комплектом.

Вот она – наша стабильность.

Человек на пляже

Вот лежит человек. На пляже. Хотя – нет. Человека что-то не видно. Вот лежит человеческое тело. На пляже. Тело, по всей видимости, мужское. Довольно загорелое. Сложено неплохо, хоть можно бы и получше. Руки оно раскинуло в стороны, ноги на ширине плеч, правая нога чуть согнута. Где надо у него надеты плавки. Оно лежит неподвижно на спине и загорает. Лица не видно, потому что на лбу панамы.

Оно лежит неподвижно и загорает. Основной жизненный процесс, который с ним сейчас происходит – это загорание. Именно для этого оно здесь и лежит. То есть, оно, конечно, совершает и другие необходимые для его существования действия; например, оно дышит. И производит равномерное движение животом, раз в полторы секунды – вверх-вниз. Но движение это настолько равномерно и периодически, что мы можем с полным правом его не рассматривать как существенное для обсуждаемого вопроса.

Вдруг в какой-то его части – внутри – происходит какая-то химическая реакция. Мы этого не видим, но мы знаем, что это так. Потому что мы изучали анатомию, и мы знаем при-

мерно, как оно устроено изнутри. Где-то там – внутри этого организма – какой-то белок соединяется с какой-то кислотой и выделяет углекислый газ и воду. Он выделяет, вероятно, и что-то еще, но про углекислый газ и воду мы можем сказать точно, – мы за это получили в свое время оценку «пять». За то, что, какая бы сложная реакция ни была, – а здесь мы, без сомнения, имеем дело с чрезвычайно сложной реакцией, – в конце концов все равно получается углекислый газ и вода. Но это нам сейчас не важно. Нам важно совсем другое, сейчас узнаем, что именно.

А пока повторим, что мы имеем на текущий момент. Мы имеем тело, которое лежит на пляже совершенно неподвижно. Так неподвижно, что единственное, что мы можем сказать о нем достоверно, это то, что его кожа разделяет вселенную на две неравные непересекающиеся части – внутри него и снаружи. Что происходит внутри, мы не можем достоверно сказать, но, зная анатомию и наблюдая в следующий момент времени определенный процесс, мы можем предположить, что в данный момент времени, – то есть в предыдущий по отношению к следующему, – где-то, в какой-то части этого тела, произошла реакция.

У него там – внутри тела – есть проводники, это мы тоже знаем из анатомии, – называются они «нервы». И нам важно, что от этой реакции по одному из проводников начинает бежать импульс. Куда – это тоже определяется реакцией. Он бежит себе, и прибегает телу в ногу, в самый низ, и тут-то мы и начинаем наблюдать упомянутый ранее процесс.

Правая нога, которая была чуть согнута, распрямляется, потом сгибается, потом опять распрямляется, потом оно шевелит пальцами, туда-сюда, и на этом процесс заканчивается.

И оно продолжает как и раньше лежать, загорать и разделять вселенную на две части. Но уже с распрямленной ногой.

Маленький

Как много я знал, когда был маленьким!

Я твердо знал, что мороженое бывает по семь, по тринадцать, по восемнадцать и по двадцать копеек. Я знал, что молоко в наш продуктовый привозят в десять утра, в больших бидонах, литров по шестьдесят, – и что продавщица разливает его покупателям литровым алюминиевым ковшом. А у квасной продавщицы на улице – такой же ковш, но на пол-литра. Для меня было совершенно очевидно и очень важно, что «ракеты» на Овидиополь и Лиманскую уходят с того причала, что напротив дороги, а на Солнечную и Заток – со второго, который дальше. Проснувшись ночью, я не запнувшись объяснил бы вам, что ходят они раз в полчаса начиная с полдевятого утра и до полседьмого вечера, с перерывом между одиннадцатью и двенадцатью. И здесь же, не надевая тапочек, очень удивился бы, если бы узнал, что кто-то этими сведениями не владеет.

Что ракета, когда отчаливает, сначала сдает полметра вбок от пирса, потом отходит назад градусов на тридцать по большой дуге, становясь носом наполовину к пирсу, наполовину к лиману, а потом уже выворачивает налево и уходит. А еще я мог в деталях описать, как она становится на крылья, какие и в какой момент от нее начинают расходиться волны, а какие, наоборот, исчезают.

В пять лет я был маленьким, и эти куски знания казались мне такими большими! Кирпичи, что клались один за другим в стену – мои будущие мозги, – с высоты моего тогдашнего роста они были значительными и необходимыми.

Потом, когда я вырос, кирпичи уменьшились. Они стали собираться в вагоны и поезда. Когда их стали подвозить один эшелон за другим, каждый отдельный камень уже стал теряться среди массы таких же, одинаково незаменимых и бесполезных. Взрослый человек не видит процедуры отчаливания и не запоминает расписание, он носит его в кармане. Он мыслит интегрально, он определяет по цвету глины марку кирпича и по таблице отправляет состав на нужный путь. Но если перелезть в вагон, взять в каждую руку по кирпичу и внимательно на них

посмотреть, – ракеты все ходят и все отчаливают, хоть уже и не так. И расписание висит, хоть уже и другое. И молоко, – его перестали возить в бидонах, оно есть в магазине весь день, бутылочное, – но оно есть, и его пьют, и так же малышня с сумкой себя больше и сдачей под мышкой тащит его из магазина бабушке.

Столько всего знал, и все забыл!

Поезд

Он темный. Оно темное. Поезд идет. Из окна видно мало. Ночь уже. Спать, в общем-то, хочется. Сейчас постель дадут, и лягу.

За окном Рось. Да – Россия. Впрочем, темно – не видно. Огни видны. Сквозь лесополосу. Она прозрачная, палки торчат с ветками, – зима уже потому что.

Огни – это фонари, и какие-то окна, и красные знаки – чтоб самолеты не налетали. Видно, на чем-то высоком.

А близко – снег, дырявый. Дыры в нем протерлись как в свитере – от жизни тяжелой. Следы, – да, они с поезда различаются, – плетень расплетенный наполовину, избы и почему-то фонари. Откуда здесь фонари? Деревню, что ли, проезжаем?

А вот, чтоб не обольщаться, и кончились фонари. И вообще ничего не видно. Так-то.

Но ненадолго. Опять какой-то свет. Бардак – неинтересно ночью в окно из поезда смотреть.

А как вы думаете, может в вагоне поместиться автомобиль? А?

Запросто! Вон стоит, на третьей полке. Классная машинка!

Спортивная, с открытым верхом, красная ярко, колеса широченные. Даже не двудверная – без дверей вообще! Больше отсюда ничего не видно, к сожалению. Мечта!

Кроме нее на полке еще умещается чемодан, – большой, цвета дешевого шоколада, из резинового кожезаменителя. А автомобиль – педальный, в одну пацанячью силу.

Игрушечный. Вот так-то. А вы думали настоящий? Ха-ха-ха!

Видите, какой юмор простой, – спать пора, пейте чай – и спать.

Э-эх! А как подстаканник-то гремит!

Художник

Художник – это общение с миром на «ты». Это извлечение из мира души руками. Художник больше принадлежит туда – миру, чем нам – людям. Мы строим наше общество, придумываем новые вещи, новые лучшие способы работать, новый лучший распорядок дня. А его распорядок дня – это распорядок дня мира. Он встает вместе с миром на рассвете и идет рисовать. В жару он вместе с миром валяется в тени, не в силах поднять руку-ногу. А к вечеру он опять встает и проводит тихие часы перед закатом за своей тихой работой. Так было всегда, и так будет всегда, сколько бы мы ни бегали со своим прогрессом.

Он – как пацан, у которого дядька работает шофером и водит машину под названием «мир».

Он залазит с ногами в мир, садится рядом с водителем и из кабины корчит нам из окна рожи. Он там все смотрит, шупает, задает дядьке-водителю глупые вопросы и, строя умный вид, слушает ответы. А мы смотрим через стекло, как все это происходит, и ничего не понимаем.

Потом он возвращается к нам, к восхищенным и завидующим, стоящим в круг около капота, и с красными от счастья увиденного ушами рассказывает то, что нам никогда не будет дано пережить самим, но что мы всегда теперь будем помнить и знать по его сбивчивому описанию.

А завтра дядька снова возьмет его с собой в машину, и мы снова будем стоять кругом и завидовать.

Такие дела

«Такие дела» – так говорил у Курта Воннегута один из героев, когда у него убивали еще одного друга (была война). Я тоже часто говорю «такие дела». Когда? Иногда просто к слову, но часто – в момент, когда погуляв у себя в голове по другому миру и что-нибудь там хорошее получив, возвращаюсь в реальный, – а тот убиваю, и сам в нем умираю. И говорю – «такие дела». А если хорошего ничего зацепить не удастся, то я как бы ни с того, ни с сего говорю: «А черт его знает». Это значит, что я не пришел ни к какому толковому выводу, но мир мне уже надоел. И я его убил. Такие дела.

Гуд бай, град Москов

Там внизу, прихватив щупальцами дорог раскинувшиеся полы окраин, лежал город. Как огромный спрут о восьми миллионах голов и шестнадцати миллионах ног, он нехотя приподнял горизонт за край, перевернулся на другой бок и решил, что пора просыпаться.

Уставившись на мир оранжевым полукругом солнца, корявый железобетонный циклоп начал приходить в себя после очередного ночного небытия. Прочистил сернистым газом легкие, помочил мерзнувший кончик носа брызгами сорванного дворничьего крана, почесал асфальтовую спину о гусеницы проехавшего бульдозера. Рванула по сосудам кровь – метро. На станции метро «Фили» трое ребят в ватниках и кроссовках «Адидас» начали, похрустывая ледком от луж на асфальте, выгружать из Камаза ташкентскую картошку в больших крупноячеистых сетках. И в городе начался день.

Горизонт всколыхнулся еще раз и, наконец, встал на место. Самолет фирмы «Аэрофлот» летел в Нью-Йорк.

1990-1992

24 рубля

— Двадцать чатыре рубля! Оспади, и шо жа и делать-та? — Бабка всплеснула руками. — Дочка, ну-ка прачти-ка, штой тут написана, не можит такова быть, штоб двадцать-та чатыре. Я-та, старая, и не прачту, што за название, савсем сляпая стала, да и не па-рускомы тут. Можа, перепутала я чаго?

Молодуха за прилавком глянула на рецепт и сунула его обратно бабке:

— Нет, бабуля, правильно все. Ваше лекарство. Двадцать чатыре рубля в кассу.

— Оспади святы! А дай пасмареть-та ево, я так-та ево узнаю, можа, ошиблась ты, миленькая, не можит жи быть, штоб дорага-та так. Ой, спасиба, радная, можа, разбирау чево. Ага, вот ета сама баначка, точь такая. И ана типерь столько-та стоит? Ана жи ж рупь трицеть всигда была. Ой-ой-ой! Как жи ж мне, старай-та, типерь жить-та, а? Ой, што и делаица!

Бабуся поплелась на улицу, с силой, всей грудью опираясь на палку, сделанную из ребячьей клюшки. Выкарабкавшись из дверей аптеки, она стояла теперь у витрины, переводя дух и бессмысленно всматриваясь в лица прохожих.

Неудача приключилась с бабой Шурой — как ей жить теперь, непонятно. Лекарства ей этого надо немного, но надо обязательно, каждый день. И не может бабка двадцать чатыре рубля выложить. Скорее тогда помрет с голоду, чем от своей болезни.

А тут мимо аптеки Марь-Михална как раз направляется в продмаг, хлебушка прикупить, и с бабой Шурой поболтать останавливается.

— Да, да, двадцать чатыре рубля! От до чего страну довели! От изверги! И чего же ты, баб Шура, делать будешь? Тут хоть по люди добрые иди, другого-то и нечего. Ох, баб Шура, и жисть-то у нас!

И пошла за хлебом.

А ну-ка, впрямь у людей-то поспрашать, чай, поможет кто. Все-то богатые нынче, торты вон как хватают. Что уж делать-то? Небось, не прибьют за спрос. А помаленьку, ай и хватит. Он и Васька, ну-ка у него.

— Васька, ай сынок, а помоги старухи, а? Ликарства-та маё рупь трицать было, а нонче двацеть чатыре. Али деньги есь у тебя?

— Какое такое лекарство? Кто наших обижает? Держи, баб Шура, от всей души, за Спартака! Наши помогут.

Васька пошарил в широких карманах, выудил трешку и сунул бабке. Проспится — не вспомнит, лишь бы жена не прибила.

— Ой, памогут, радной, уж и памог!

— Дочка, радная, не паможишь старухи? Дай-то Бог здоровья, сколько есь у тебя, на ликарство.

Рубль.

— Дай Бог тебе всяго, милая. Дай Бог здоровья.

— Ай, милай, дай Бог тебе здоровья. Али бабки-то...

Так добралась баба Шура, у аптеки стоя, рублей до двадцати, да на том и застряла. Перестал народ на ее дай-Бог-здоровья оборачиваться. И что сделалось? Поплелась тогда бабка к продмагу, там народу побольше, авось, доберет до двадцати-то чатырех. А время уже прошло немалое, подустала на ногах стоять, а тем более идти.

Ай, несчастье-то какое, и что же это, как же теперь? Не наберет денег — совсем помрет. Ай, сей час не даст никто больше? У всех ведь деньги не казенные, на себя нужны, кто ж рубль-то целый даст?

— Милай, помоги старухе, двадцать чатыре рубля лекарство стоит, дай Бог здоровья тебе.

Слушайте, люди! Вас же просят помочь. Это не милостыня, она не нищая, не на паперти, не на вокзале. Те нищие с копеек живут, водку пьют, работа у них такая. А какие нищие в Бескудниково, на окраине? Здесь же нет ни церквей, ни ночлежек. Эта бабка, наверно, здесь где-то и живет, в одной из этих дерьмовых панельных коробок. Жила и жить будет. Нормальная советская старуха, никому поперек дороги пьяная не лежит. Но болезнь у нее, лекарство ей нужно. А оно стоит теперь двадцать четыре рубля, хотя на прошлой неделе стоило рубль тридцать. Ну зачем ты суешь ей свою трешку? Чтоб она еще с десяток таких, как ты, обошла, размялась? Дай ты ей четвертак, чтоб у нее хоть сегодня больше проблем не было. Все равно ты обедаешь за сороковник, а вчера, балбес, пятьдесят рублей спустил в уличной лотерее.

Примерно так я и подумал, когда увидел эту бабку между продмагом и остановкой, с ее дурацкой клюшечной палкой и с комком трешек и рублевок в руке. Сначала я взялся было за пятерку — тоже немало, а потом — дать ей двадцать пять, чтоб не мучилась старуха.

— Ай, спасибо, милай, дай-то Бог, — тут она глянула на бумажку и, разобрав, сколько там, выдохнула, — мила-ай, ой, спасибо-а! Милай! — уже чуть не прокричала, даже как-то испуганно, баба Шура.

Ну и ладно, и слава Богу. Будем надеяться, что не обманула, что ей вправду на лекарство, а не водку. Зато я потом целый день думал про себя — вот какой я хороший, добрый и отзывчивый.

1991

Тапки

— О, привет!

– Привет.

– Проходи, проходи быстрее.

– Слушай, я голодный, как волк.

– Садись, сейчас борщ погрею. Тапки я убрала, возьми в шкафу, И руки помой, полотенце сохнет на батарее.

– Ну, как малой?

– Тьфу-тьфу, как ты уехал, все у него прошло почти. Как съездил?

– Ай!

– Как город?

– Город сказочный. Какой был, такой и остался. Держится пока.

– Что шеф сказал?

– Я ему еще не звонил. Послушай, это тот борщ, который ты начинала готовить, когда я уезжал?

– Ну да. Там целая кастрюля была.

– Ох! Мечта!

– Ну, так ешь.

Так его встретит завтра Ленка. Он придет уже под вечер, усталый и голодный с дороги, кинет, не разбирая, сумку в коридоре, найдет в шкафчике тапки, помоем наскоро руки и усядется, наконец, на кухне на диванчик у стены.

Он наестся невозможной вкусноты фирменным ленкиным борщом, расспросит про колькины успехи за три дня, помянет и шефа своего, и бестолковых киевских клиентов, и тамошнюю ленкину подругу Натаху, вышедшую-таки замуж за миллионера.

Потом уже у него будет чай, потом будет душ, а потом будет ночь.

– Колька вчера поел сам кашки. Чувствуешь, какое достижение!

– Здорово! Завтра получит двойную порцию, герой-штаны с дырой.

– Ну, что-то хорошее у тебя там было?

– Зашел напоследок в костел, послушать орган. Самый большой орган, который я видел в своей жизни. Никогда не думал, что может быть так здорово.

Он повернется к Ленке лицом.

– А человеку для счастья нужно всего несколько почти ничего не значащих слов.

– Молчи, зануда. Я тебе их уже все сказала.

И ведь верно — сказала. Он поворочается, уткнется носом Ленке в щеку и будет так лежать вечно. Вы знаете, что такое «вечно»? А Ленка знает. «Вечно» значит — вечно.

Токатта кончилась. На «бис» ничего играть не стали. Мишка с запасом успевал на поезд, но все равно стоило поторопиться.

Он вышел из зала на мерзнущую улицу одним из первых.

1991

Спички

— Зачем?

– Я хочу, чтоб ты меня спросил, как я думаю.

– Как ты думаешь что?

– Любишь ты меня или нет.

– Чтоб я спросил, как ты думаешь, люблю ли я тебя, да? Ну и как ты думаешь, люблю?

– Нет, я хочу со спичкой.

– Да это игрушки все. Думаешь, со спичкой лучше будет?

– Со спичкой будет по-настоящему.

– Ну ладно. Марик, у вас спички в доме остались?

Марик усмехнулся митькиным забавам, сказал «Да» и пошел на кухню за спичками. Спички куда-то подевались, и он громыхал там дверцами шкафов минуты две. Все в комнате притихли и с любопытством ждали, чем закончится эта внезапно родившаяся среди всеобщих шуток и легких воспоминаний серьезность.

Даже спокойно разгуливавший по столу среди пустых чашек и тарелок черный как ночь котенок Синус, испугавшись неожиданно наступившей тишины, присел неловко на хвост и стал быстро искать зелеными глазенками причину этому новому для себя явлению.

Все время, пока Марик был на кухне, Инка так и сидела в кресле, поджав ноги под себя, и не отрываясь смотрела на Митьку. Митька отвечал ей почти тем же, но не совсем. Иногда он на мгновение бросал взгляд вниз на точеные инкины коленки, выглядывавшие из под джинсовой юбки, но быстро возвращался к ее взгляду. На сидевших на диване Колю, Ленку с Аней и Федосеева он не оглядывался. Он про них забыл.

Коленки у Инки еще сохранили летний загар, больше, чем руки и лицо, и напоминали Митьке этого лета каникулы, когда вся их кантонская компания целые дни торчала на море, и он имел возможность любоваться не только коленками, но и всеми остальными частями инкиного прекрасного тела. Он так тогда ей и говорил, лез прямо в глаза при всех с комплиментами отнюдь не платонического свойства. Впрочем, у него тогда, похоже, хватило ума вовремя остановиться. Не хватило Михалу. Он ляпнул, что, по его мнению, хорошую фигуру и через шубу с валенками видать, и Инка тогда на Михала обиделась. Сказала, что некоторым делать больше нечего, как тренировать воображение на чужих шубах.

Митька хоть и остался невиновным, в глубине души был с Михалом согласен. Он раскурил инкину красоту еще в самый первый раз, когда увидел ее в студенческом клубе в Барене. Тогда она была в большом бесформенном свитере и толстой зимней юбке, но этого ему вполне хватило. Они случайно пришли в этот чужой клуб в один и тот же день, случайно оказались за одним столиком, и случайно за этим столиком обсуждался вопрос, что значит «хорошо относиться к человеку».

Сейчас на Инке была такая же юбка, только джинсовая. И она сидела так же тихо и загадочно и задавала Митьке такие же каверзные вопросы. Что ж, это было нормально. Его возвращение в Белый Город, возвращение старых дружб и старых обид, проверка новых дружб и — еще раз, проверка новых.

Инка видела его взгляд. Как обычно. В спички они не играли уже давно, а Инка вообще никогда не играла. Собственно, она только что узнала о такой игре, и ей не терпелось получить от нее свою долю.

Игра простая. Зажигается спичка, держится горячей головкой вверх и передается по кругу из рук в руки. У кого в руках спичка погаснет, тот отвечает абсолютно искренне на любые вопросы окружающих.

Почему-то при таких правилах всегда хочется сразу спросить про первую любовь, или про последнюю, что еще занятнее, или хотя бы об отношении к последнему фильму Мадонны. О планах на будущее спрашивают реже, и уж совсем никого не интересуют политические прогнозы и учеба в университете.

Обычно после второго часа игры правды в ответах заметно убавляется, а на следующее утро уже никто и вовсе не понимает, как можно было заниматься такими вещами всерьез.

Марик, наконец, вернулся из кухни с коробком спичек и с тарелкой неизвестно как сохранившегося печенья. Народ быстро расхватал печенье, Митька взял у Марика спички и повертел их в руках.

– Так со спичкой? — он взглянул еще раз на Инку. Та кивнула.

Он вытащил спичку, чиркнул ею о коробок, подождал, пока она разгорится, потом перевернул головкой вверх и обернулся к дивану:

– Кто-нибудь еще играет?

Все замотали головами, и Ленка из угла за всех ответила:

– Нет.

– Тогда поехали.

Инка быстро переводила взгляд со спички на Митьку и обратно. Спичка притягивала ее, но ей нужно было смотреть и на Митьку — ей хотелось видеть, что происходит у него на лице.

На лице ничего толком не происходило. Митька подождал, пока спичка прогорела на три четверти и протянул ее Инке. Инка еще раз взглянула на Митьку, осторожно вытянула руку и взяла спичку. Огонек медленно опускался вниз, и вместе с ним опускался к тонким пальцам инкин сосредоточенный взгляд.

Наконец, так и не добравшись до пальцев, огонек потух, пустив прощальный серый дымок. Инка подняла глаза на Митьку и кивнула:

– Ну?

Митька тихо спросил:

– Как ты думаешь, я тебя люблю?

Инка приняла вопрос, сделала еле заметное движение бровями и перевела взгляд на переставшую уже дымить спичку.

Она повертела черный язычок туда-сюда, улыбнулась одними губами, потом опять посерьезнела.

– Нет, — ответила она тихо, но отчетливо.

Длинная киношная пауза повисла в комнате. Серьезность начинала принимать уж очень серьезный оборот. Спас сюжет, как ему и полагалось, кот, вдруг задумавшись о чем-то своем и наступив на неровно лежащую среди другой посуды чайную ложечку. Ложечка звякнула о расписное блюдо, блюдо стукнуло о тарелку, а Синус пулей рухнул Ленке на руки, разрядив своим голливудским полетом не менее голливудское мелодраматическое электричество.

– Так я не играю, — Митька бросил на стол коробок. — Инка, спасибо. Кто-нибудь еще хочет чаю?

– Ну, Митька, это же игра! — Ленка бросилась их мирить. — Инка, он же два года в это не играл. Он и тогда все воспринимал всерьез, а теперь и подавно.

– Ленка, чаю хошь? — Митька взял со стола заварочный чайник, поболтал оставшейся там кашей, закрыл его крышечкой и пошел на кухню. Там он опять поставил на огонь только что кипевший чайник воды, подождал, пока тот еще раз вскипит, засыпал в маленький чайник новой заварки и так, с двумя чайниками в руках, вернулся в гостиную.

– Я люблю мелодрамы. Иногда. Иногда от них даже бывает польза. Например, узнаешь много нового и интересного о себе.

Митька плюхнул кипятка в заварку, прихлопнул его крышкой и поверх крышки — лежавшим на краю стола полотенцем.

– А вот я думаю, что люблю. И люблю, когда ты ходишь в этой юбке. Красивая ты, хоть и глупая. Некуда мне деться. Помнишь, вы с Михалом чуть не поссорились из-за шубы?

– Нет. Когда?

– На пляже. Он говорил, что даже если б ты в шубе была, он разглядел бы, какая ты красotka.

– А, ну да.

– Я бы тоже разглядел, хоть ты и вопросы дурацкие задаешь, — Митька стал расставлять чашки в ряд.

Тут Инка поправила волосы и неожиданно сказала:

– Но ты ведь не Михал.

Митька перестал возиться на столе и уставился на Инку:

– Ну. Конечно, не Михал.

– Но разглядел бы?

– Разглядел бы.

– Вот это хорошо, — Инка с довольным видом ухватила за ручки кресла, выпрямилась, потом дотянулась до спичек на столе, чиркнула одну и протянула ее Митьке.

– Я сказал, я не играю.

– Митька, теперь я задам вопрос, — Инка сжала коробок своим маленьким кулачком и по-деловому глянула на разговаривающую у нее в руке спичку.

Митька обернулся еще раз к восхитительной девчонке, сидящей по-королевски в старом облезлом кресле, закинувшей длинную прядь волос, как обычно, за ухо и смотрящей ехидно на него, балбеса.

– А-а... Ну конечно да.

1991

Звезда

— Лёха, сколько тебе говорить — следи за товаром! Матрешки не хватает. Спёрли, что ли?

— Блин, точно! Только что была, отвернулся на секунду. Эй, Серега, да ты ж ее и спёр! Давай назад!

— На, держи, да ворон-то не лови, вычту из зарплаты.

— Опять ты, Серый, со своими проверками! Не стой тут, не загораживай покупателей.

Серега отвернулся от столика с матрешками и пошел дальше по рядам, посмотреть, как идет антиквариат. Он неспроста прицепился к своему продавцу — было отчего поиметь игривое настроение. Только что он встретил на площади Славку Ковалева, пацана, дворового приятеля, и от этой встречи в Сереге запела ревность. А когда в Сереге что-нибудь пело, он лез ко всем приставать — характер такой.

Со Славкой они начинали, еще на книжках. Серега затеял это дело, ходил по складам и издательствам, а Славка был у него продавцом, стоял здесь же на Пушкинской, на жаре, и впихивал публике детективы и философские трактаты. Но потом университетские приятели сманили Славку в фирму, бегать где-то с импортными шмотками, и Серега остался один.

Теперь, через полгода, он уже раскрутился — оброс продавцами, поставщиками, валютчиками. Но Славка-то, Славка! Он, конечно, все еще на побегушках, но зато на каких! Такие обороты Сереге и не снились. Да и в этом ли дело!

Умом Серега прекрасно понимал все выгоды своей независимости и со Славкой ни за что бы не поменялся. Но — вы только посмотрите на этого Ковалева, как он подходит к «Макдональдсу» — принц, фрегат под всеми парусами! Белое пальто, прическа «тушите свет», шарф на ветру, девушка под руку. Ослепительный мужчина. И где это в нем раньше было?

А у Славки сегодня был не совсем обычный день. Он решился, наконец, пригласить Светку в «Макдональдс», и на левой руке у него висела именно она — Светка. Он был в нее влюблен страстно, так, по крайней мере, ему казалось, хотя этого слова он еще ни разу сам не произносил. И, вы знаете, даже принимая во внимание излишнюю славкину впечатлительность, это было у него первое в жизни настоящее чувство, первое ощущение полного и данного ему, наконец, нормального человеческого счастья. И — оно много для него значило. Сегодня.

Теперь забудем про Серегу. Он уже произнес свою реплику и подумал свою мысль в этом рассказе и больше уже никогда в нем не появится. Дальше все будет про Ковалева и Светку.

Они обогнули никому теперь не нужные милицейские загородки, скакнули через лужу и поднялись по ступенькам к входу.

«Главное — не потерять хорошего настроения». И Славка открыл перед Светкой прозрачную дверь.

— Прошу!

«Вы что это, молодой человек, домой пришли, что так распоряжаетесь?»

«Да нет, просто хочется перед девушкой выпендриться».

«Ну ладно, входите оба, наслаждайтесь».

В московском «Макдональдсе» хорошо. Тепло, на входе человек улыбается, музыка играет, народ ходит сытый и довольный. Бигмак стоит сорок рублей — да-да, сорок рублей, оттого-то снаружи ни очереди, ни милиции.

Славка взял Бигмак, бургер с сыром, два разных коктейля, два разных напитка, Светке пирожок и что-то еще. Что-то небольшое, тоже две штуки и тоже разные. Из нехитрого здеш-

него меню это могло быть, пожалуй, только мороженое. Так что мороженого он, наверно, и взял, разного. А может быть, и не брал, потому что и так получилось довольно много, а лишнего Славка заказывать не хотел — это он сразу решил. Он же не собирался быть как «эти», которые наберут гору, а потом сидят с вываливающимися от объедения глазами и пихают в себя что у них там еще осталось.

Кроме того, в таком выборе была и своя корысть — побольше попробовать разного и поменьше потратиться. Потому что, не будем забывать, Славка еще только начинающий бизнесмен и, хотя он уже начал что-то зарабатывать, но... В общем, Славка не мог сегодня потратить очень много денег.

Однако, расплатиться без фокусов Славке не удалось, получился мини-спектакль. Почему-то все деньги у него оказались в одном месте, его личные и те, что ему выдали на поездку в Питер, так что ему пришлось вытаскивать всю пачку и из нее отсчитать нужное количество двадцатипятирублевков. Но он быстро овладел ситуацией и лихим жестом закинул оставшееся во внутренний карман пуховика. Светка улыбалась.

Ну и так далее. В общем-то, Светка здесь в первый раз, так что все эти выкрутасы с дверьми и деньгами вполне годились. Славка хотел блеснуть.

Мест за столиками хватало и в главном зале, и Светка даже попыталась пристроиться тут же за крайним столиком, но Славка потащил ее на второй этаж, в японский, как он сказал, зал.

По дороге вверх Славка стал рассказывать, чем японский зал отличается от остальных, что он, Славка, очень любит японскую графику, а недавно сел за книжку японского автора, и что японцы вообще очень интересные люди, и он на днях как раз участвовал в переговорах с японскими бизнесменами, и так далее. Я не буду здесь приводить целиком все, что Славка нес, пока они пробирались в дальний угол, потому что читать это было бы довольно скучно. И в дальнейшем тоже — Славка болтал много и с литературно-художественной точки зрения совершенно бездарно. Я не буду все это пересказывать. Для вас ведь, надеюсь, не секрет, что господа писатели не все записывают слово в слово, а только, так сказать, отдельные характерные эпизоды и реплики, из которых потом складывается... Вот примерно в таком духе Славка и витийствовал.

Тем более, что Светке все это вполне подходило. Вовсе не потому, что она была совсем простая и невзыскательная слушательница, нет. Но ее славкины разговоры вполне устраивали. Она к Славке тоже была равнодушна, слегка. Да и в «Макдональдс» ее не каждый день приглашали.

В японском зале было всего несколько человек. Ближе всего к ним сидел человек в ослепительно белых штанах и ел второй гамбургер — обертка от первого валялась рядом — запиная его Колой. Кроме того, он читал газету «Financial Times», положив ее рядом с собой на столик, как будто дело происходило не в самом дорогом ресторане в Москве, а у него дома на кухне. Время от времени он отрывался от газеты и обмакивал край гамбургера в кетчуп.

Ну и Бог с ним, с иностранцем. Светка ждала сигнала приступить.

— Сначала объясню, как что есть, — Славка наклонился над столиком. — Для Колы есть трубочки, они вставляются прямо в крышку. Вот так, раз и готово. Видишь, как удобно? — Славка сунул трубочки в стаканы себе и Светке.

— Попробуй сначала Колы, для разминки, потом Бигмак, тоже с Колой, а потом будут коктейли — на десерт. Я так всегда ем.

Он врал, конечно. Славка ел так «все» два раза, когда был здесь еще осенью, по старым ценам. Самоутвердившись таким образом, он стал обедать в забегаловке около своей конторы — чуть попроще, но раз в пять дешевле.

Итак, пока друзья наши заняты делом, я вам, пожалуй, еще кое-что о них расскажу, иначе будет непонятно, чем, собственно, они так примечательны, и почему именно на них стоит обратить внимание в макдональдсовской толчее. Сейчас будет немного этого рассказа, потом еще чуть-чуть действия и рассуждений и потом переход на серьезный тон и развязка, как и положено по законам жанра. Только вот сейчас — давайте еще немного послушаем, как Славка рассказывает о своей коммерческой деятельности.

– Бигмак слишком толстый, конечно, ты его ешь слоями. Потом научись целиком. Да, надо рот иметь до ушей. Мы такие же бутерброды ели в Бутово на таможене, только с черным хлебом и салом, я сам настриг. Когда мы сидели там с Вадиком, ждали груза. Такие же толстые, в три слоя хлеба. Нам немцы не написали в факсе, на какую таможеню они привезут свои компьютеры. Скорее всего в Бутово, решили мы и поехали с Вадиком в Бутово. Взяли пустой Камаз в гараже и поехали. А еще один человек уехал на всякий случай в Шереметьево — нам нужно было все прокрутить за один день. Так трейлер в Шереметьево и прикатил. Как мы туда на Камазе рванули! По кольцу за час прогнали! А там что было — ни в сказке сказать. Промаялись, короче.

Славка — не Цицерон, конечно, но ладно. Не будем больше отвлекаться.

Про Светку. В школе она была из тех девчонок, что всегда находятся в центре внимания. Ее знало полшколы, она со своей скрипкой участвовала во всех концертах, цветы учителям от их класса всегда дарила она, и на вечеринках она редкий танец сидела у стеночки.

Славка со своей электроникой мало ко всему этому имел отношения, а уж со Светкой за весь десятый класс хорошо если перекинулся парой фраз. Он общался с людьми только на радиоэлектронные темы, и так вышло, что с девчонками не общался вообще.

И вот теперь — пожалуйста. Кто бы мог подумать, что именно он всеобщую любимицу Светочку нынче водит в «Макдональдс»!

Хватит этих штампованных жизненных путей, студенческих и инженерских радостей. Все его одноклассники подались в институты, грызут гранит науки. Скучно, однообразно, рутина. До армии оставался еще год, нужно было сделать что-то оригинальное, необычное, то, чего никто больше не делает. Иначе зачем жить?

Мужчина — это воин. Он должен быть на коне, с ятаганом и кошельком наперевес. И сам строить свою жизнь, свое будущее, по своему желанию и непохоже на остальных.

Сначала Славка крутился на продаже книг с лотков. Цены на бумагу тогда еще не поднялись, книги доставались дешево, да и погода стояла жаркая, товар шел хорошо. Потом они с Серегой немного поругались, и Славка подался в свою нынешнюю фирму.

Сначала ему вообще ничего не платили, но он провернул одно хорошее дело, другое, и на него уже стали посматривать. В истории с компьютерами и таможеней он умудрился содрать с немцев неустойку, и по тому, как ему заплатили на этот раз, он понял, что попал в неплохое место. И он уже мог позволить себе сходить в «Макдональдс».

Славка откинулся на спинку стула и принялся за коктейль. Нет, не зря он с лета крутится, как угорелый. Все так и получается, как он хотел. И он давно уже всех своих переплюнул.

Он посмотрел на иностранца, заканчивавшего бутерброды. До этого Славка не обращал внимания на то, что происходит в зале, но тут он вдруг понял, что иностранец просто обедает. Славка пришел сюда праздновать победу, а тот — обедает.

Ну и ладно. Пусть обедает. Славка опять обернулся к Светке.

Светка от тепла и вкусного пирожка разомлела, повеселела, перестала разглядывать стены и начала что-то рассказывать про свой институт.

Славка скептически относился к ее учению, он считал, что женщинам нечего делать в точных науках. Он иногда комментировал ее рассказ, на что Светка ничуть не обижалась, а,

наоборот, хохотала до слез. Славка очень любил, когда Светка смеялась, и больше всего любил ее в такие моменты. Может быть, он и обратил на нее внимание прошлым летом именно из-за ее легкого, звонкого, захватывавшего ее саму смеха. Славка слушал, глядя Светке прямо в глаза и радуясь, что она не отводит взгляд, нет, а смотрит на него, говорит и смеется.

Потом они перестали болтать, Светка всерьез взялась за коктейль, а Славка стал приглядываться к тому, что происходило вокруг.

Иностранец ушел. На его месте сидел парнишка славкиного возраста с тетрадкой на столе. Пуховое пальто, такое же, как было на Славке, лежало рядом на стуле. Парнишка не взял ничего поесть. Он то рылся в тетрадке, видимо, в каком-то конспекте, то сам начинал рисовать в ней графики. Периодически он начинал усиленно грызть карандаш, шаря по сусекам собственных мозгов в поисках очередной линии. Взгляд его в это время блуждал по какой-то картине на стене за спиной у Славки.

Славка обернулся посмотреть. Там оказалась большая, как окно, репродукция японской гравюры. На высоком утесе среди прибой примостился одинокий рыбак, закинув несколько нитей далеко в море. Над бушующей пеной, перед белоснежной Фудзиямой, стоял человек и спокойно удил рыбу.

Славка поежился. Вот уж не ожидал он здесь увидеть «Хокусая». И к тому же, странно, что он не заметил эту картину в прошлый раз, когда был в этом зале. Тогда он, похоже, вообще ничего и никого здесь не заметил — только наслаждался макдональдсовскими радостями. Черт! Он даже не помнил, что за люди сидели тогда вокруг.

Как-то очень быстро он переключился со своего молодецкого настроения и стал завороченно смотреть на это море, так и сидя вполоборота, и стал вспоминать.

Мы не будем называть Славку философом, не потянет. Он, конечно, как-то начитан, кое-что понимает в живописи. Когда-то, какое-то время назад, он мечтал постичь что-то красивое и высокое, чем, впрочем, и положено по возрасту заниматься молодому человеку. Но ничего путного не постиг. А потом пришел Горбачев, пришел ятаган, и начавшие было пробиваться тропки к вечному забылись и заросли. Им не находилось места в славкиной голове, они оказались настолько величественными и бесполезными, что Славка плюнул на все свои построения и пошел зарабатывать себе счастье уже в этой жизни.

И вот Светка, Бигмак и все вокруг куда-то ушло, как будто исчезло за поворотом головы. Славка что-то увидел в этой картине.

Он знал, что это Хокусай, он видел его гравюры, и они ему нравились. Но ему никогда не приходило в голову, что произведение искусства может висеть в учреждении для приема пищи. Он никогда не думал, что эти две вещи могут так дружно сосуществовать, даже обогащая и дополняя друг друга.

И ведь верно — он всегда ощущал, что японцы прячут от него что-то, может быть, не видное с первого взгляда, но очень, невероятно важное. Что за точно переданным сюжетом, за четкостью извилистых линий рисунка стоит что-то, выходящее за рамки музеев и галерей, куда водили его в детстве родители.

Неужели он поймет это теперь, с бутербродом в одной руке и со стаканом газировки в другой? Неужели именно стакана ему не хватало?

Но эти люди, которые строили ресторан, они ведь знали, что здесь будет висеть Хокусай, они даже, наверно, знали примерно, почему им захотелось его сюда повесить. Может быть, у них даже была какая-то цель! Ведь есть люди, которые все это понимают сами.

Почему Славка не видел этого раньше? И почему увидел сейчас? И при чем здесь Светка? И причем здесь ширпотреб и ятаган?

Нет, вроде бы все идет как надо. Все по плану, все так, как он хотел. С прошлой весны ему ни разу еще не приходилось спотыкаться, он всегда четко знал, что он хочет и зачем. Пере-

дряги, в которые он попадал за это время, редко выбивали его из колеи. Он быстро придумывал, как из них выходить, и выходил. Это было лишь делом техники — он двигался вперед. Он вправду стал самостоятельным, он вправду стал независимым, и он вправду переплюнул всех своих.

Но этот обедающий иностранец, этот парнишка с формулами, этот рыбак — что-то все это означало. И то, что он увидел все это именно сейчас и именно все вместе — тоже что-то означало. Славка не понимал, что, но он чувствовал, что что-то не то. Что-то не то.

— Славик, обернись. Ты меня слышишь? — Светка расправилась с коктейлем и опять ждала руководящих указаний.

– Ты уже все? Ну пойдем, сейчас я свой допью. Ты одевайся пока.

Славка не успел додумать мысль, которая уже свистнула, уже пустила пары, уже начала потихоньку отваливать, отходить неспешно от перрона, который сам только что возник, родился из ничего буквально на глазах, и начала двигаться, неспешно перестукивая на стрелках и крестах, куда-то, туда, где он ее поймет, где, может быть, еще одной мелкой добавочной детали, рисунка, фразы, движения будет достаточно, чтобы узнать, чтоб увидеть все в новом, открывшемся, наконец, только теперь свете.

Он не успел додумать мысль. Но в последний момент сам «Макдональдс» дал ему готовый, чистый, бесстыдно понятный, сверкающий на зимнем солнце ясными кристаллическими гранями, ответ.

Идя к выходу, уже у самой двери, Славка случайно оглянулся назад и увидел за крайним столиком парня, напротив него — девушку, а на столике между ними, он точно заметил, два подноса с двумя разными бутербродами, пирожком, двумя Колами и двумя морожеными. Парень, наклонившись над столиком, просовывал трубочку в крестообразное отверстие в крышке стакана, стоявшего перед девушкой.

И уже проходя в стеклянную дверь, Славка услышал:

– Сначала — как все это есть.

1991

Я и город

Он мой, но в то же время он и не мой. Я знаю его, а он про меня ничегошеньки не знает. Огромный город, в котором я живу.

Я живу на окраине, с краю, как бы у него за ухом, так что он не может меня видеть, когда я уезжаю к себе домой. И не видит, что я там делаю. А я, в общем-то, ничего особенного там и не делаю, по крайней мере, такого, что сказывалось бы на его жизни. Я там просто живу, сплю, иногда ем, иногда слушаю музыку, иногда пишу. Но это неважно. Ведь это происходит за ухом, этого никто не видит, какое это имеет значение? К тому же, ем, пишу и слушаю музыку я и в других местах. Вот только сплю я, пожалуй, всегда дома.

У меня есть пропуск в этот город. Я уже говорил, что я его знаю, так вот — у меня есть в него пропуск, я в него проник, как Штирлиц.

Это — единый проездной билет. С помощью этого нехитрого приспособления, а также некоторых других, я могу ходить по этому город, не вступая с ним в контакт, ничего у него не спрашивая и, таким образом, не выдавая ему себя, не позволяя ему знать о моих намерениях и вмешиваться в них.

В электричке, на которой я проезжаю две остановки до метро, билеты проверяют очень редко, я попадаюсь в два месяца раз, а то и реже. Так что можно их совсем не брать и таким образом избежать разговора с кассиршей. Потом метро. Я уже сказал, что у меня есть единый билет, так что на всех видах городского транспорта я могу ездить, куда и когда мне захочется. На земле это значит, что я могу не бояться контролеров, что тоже немало, а в метро вообще без билета не пройдешь, так что здесь единый совершенно незаменим. Вы скажете, что я могу наменять за деньги жетонов и проходить по жетонам. Могу, конечно, потому что кошелек — это мой второй пропуск, и он тоже, как и единый, всегда со мной. Но тогда нарушается *последовательность*.

Ведь метро — это всего лишь средство передвижения. Вошел, переместился в пространстве, вышел. В переходе можно газетку купить или яблок, или музыку послушать. Но совсем ни к чему здесь греметь кошельком, стоять в очереди за жетонами, беседовать с кассиршей, вступать в отношения с пропускными автоматами. Это все ни к чему, это к передвижению не имеет никакого отношения, и лучше всего этого избегать, потому что нарушается *последовательность*.

Псих какой-то пишет, скажете вы. Ладно, покажите хоть одного нормального, и будь по-вашему. Хотели показать на себя, да? Так-то, у каждого свой бзик. А, впрочем, даже если и псих — что изменилось? Какая разница, как меня назвать? Я же от этого не исчезну, не перестану жить, ходить и писать. Вот как велика жизненная сила человека!

Да, самое интересное — я обнаружил, что в этом городе действуют некоторые правила и законы. Если их соблюдать, то можно очень быстро в нем ориентироваться. Это очень удобно.

Например, все часы в этом городе показывают одно и то же время. Бывают, правда, исключения, но они очень редки, и их можно довольно просто отличить от правильных. Это значит, что часы испортились или стоят. А в остальных случаях совершенно неважно, где смотреть время. Не обязательно каждый раз лазить в карман за своими часами, можно посмотреть на часы в метро, на стене в учреждении, на улице. Можно спросить у прохожего, и он, если у него на руке окажутся часы, скажет вам то же самое время.

Видите, совершенно не обнаруживая себя, можно всегда узнать, который час. Нужно только знать, куда смотреть.

Но это еще не все. Есть множество гораздо более сложных и интересных законов, которые всегда точно выполняются.

Например, на каждой станции метро и в каждом вагоне висит схема метро, на которой указаны все линии метро, все станции и переходы. И эти схемы все совершенно одинаковы и в точности соответствуют настоящему устройству метро. Так что необязательно запоминать наизусть или как-то пометать себе, как куда-то доехать. Всегда по дороге можно взглянуть на схему, выбрать по ней дальнейший маршрут и ехать дальше в соответствии с этим маршрутом. И попадешь точно туда, куда тебе надо, если, конечно, сам не напутаешь при составлении маршрута. Да, удивительная точность есть во всех этих схемах! И ведь нигде нет ни одного расхождения с настоящим метро, все очень точно скопировано!

По правде сказать, за то время, что я пользуюсь метро, я эти схему уже почти выучил наизусть, так что могу прекрасно составить себе маршрут и не глядя на схему, потому что очень хорошо представляю ее себе в голове. Что поделаешь — тренировка дает себя знать. Так что теперь мне и не нужны сами эти схемы, ведь я и так знаю, как куда проехать. Это я и имел в виду, когда говорил, что я знаю город, а он меня — нет. Я могу в нем ориентироваться, а он — разве он может во мне так же хорошо ориентироваться?

В общем-то, транспорт и передвижение в пространстве — это то, где я больше всего преуспел в изучении этого города. Я могу очень быстро сориентироваться и проехать до того места, куда мне нужно попасть. Если же я совсем не знаю, где находится нужный мне пункт, я пользуюсь картой с указателем. В указателе по названию улицы я нахожу ее координаты на карте и потом по карте нахожу ближайшее к ней метро. Таким образом задача сразу сильно упрощается и частично сводится к предыдущей — ведь метро я уже овладел достаточно и могу не беспокоиться о том, как доехать на нем до нужной станции. Остается только, выйдя наверх, попасть на нужную улицу. Тут можно воспользоваться другими, более тонкими методами, про которые я сейчас не буду подробно писать, потому что, во-первых, их довольно много и они очень разнообразны, и описание их заняло бы много времени и места, а во-вторых, потому что некоторые из них не поддаются такому точному пониманию и описанию, как получилось, скажем, со схемами метро. В них много интуитивных элементов, которые часто приходится додумывать по ходу дела. Я только замечу, что, пожалуй, самый надежный способ — это посмотреть заранее по карте или спросить у прохожего на выходе из метро, каким наземным транспортом можно добраться до нужного пункта. Тогда уже останется только дожидаться, когда подойдет нужный автобус или троллейбус и проехать на нем до нужной остановки.

Да, я все же позволю себе сказать еще об одном удобстве, которым я пользуюсь после того, как запомнил общепринятые названия многих известных или каким-то образом примечательных мест. Обычно, если спрашиваешь у прохожего или пассажира, как добраться до такого места, то все сразу понимают, о каком месте идет речь, объясняют, как туда проехать или пройти. Это очень удобно, потому что не нужно объяснять людям куда и зачем конкретно я еду, а можно просто спросить: «Как проехать до кинотеатра «Ударник»?», и мне любой сразу расскажет, как туда проехать. Но мне, конечно, нужно не в сам «Ударник», а просто это такое примечательное место рядом с тем местом, куда мне нужно, и про него все знают, и уже привыкли отвечать, как туда проехать. Так что никого не приходится беспокоить и выходить за рамки вполне принятых и соответствующих месту фраз. Тут, пожалуй, не может быть никаких разночтений, и никто не поймет моих слов превратно или неправильно, так что пришлось бы при помощи других слов объяснять то, что я хотел сказать в первый раз.

Тут я затронул тему, о которой с самого начала хотел упомянуть — о языке и об общении людей между собой. Я имею в виду использование языка не только при перемещении в пространстве и при поиске пути к определенному месту. Я уже сказал, что в этом простом случае язык очень хорош и, если им правильно пользоваться, практически исключает возможность ошибки и нарушения *последовательности*. Но этот же самый язык, поскольку им владеет поголовно почти все население города, часто используется людьми для взаимодействия друг с другом и в гораздо более сложных и неоднозначных ситуациях, когда, как мне кажется, даже

бывает невозможно одним только языком ясно выразить вопрос, или отношение, или какое-либо другое движение в человеке, требующее общения с другими людьми.

К сожалению, в этой стороне жизни города я не смог еще достаточно разобраться, так что я не понимаю, как людям удается так ловко участвовать в огромном количестве *последовательностей*, каждая из которых даже в отдельности связана с выполнением множества разнообразных условий и требует определенных сил и времени. Часто оказывается, что арифметическая сумма всех сил и всей информации, которые должны участвовать в некоей ситуации на пересечении нескольких *последовательностей*, намного превосходит все простые потенции человека и то количество информации, которое может быть передано посредством языка.

Однако, люди каким-то образом справляются с подобными ситуациями по много раз не дню, причем, видно, что они вовсе не испытывают ожидаемых при такой сложности перегрузок. Видимо, язык играет здесь лишь вспомогательную роль, потому что вся информация, используемая в таких ситуациях, видимо, заложена в устройстве самих ситуаций, в законах и правилах, которым подчиняются события, люди и вещи, когда они живут своей человеческой или вещественной жизнью в городе. Языка людям, видимо, вполне хватает, чтобы иногда сказать друг другу то, что не понятно и так.

А законы и правила городской жизни людей, хоть и существуют и строго исполняются, так что огромный городской организм не разваливается и исправно работает, но они настолько сложны, содержат в себе столько неэлементарных, стохастических и, может быть, даже еще не открытых наукой зависимостей, что...

1992

У озера

*Широко трепещет туманная нива,
Вороны спускаются с гор...
Б. Гребенщиков*

Мы разгоняем молочных щекотрясов — так это называет Женька. В переводе на русский язык это означает, что, загрузившись грамм по сто «Столичной», мы бросаем наш костер и идем чуть вверх по бережку, где сидят и пробуют петь какие-то школьники. Они, видимо, устраивают себе культмассовое мероприятие, выезд на природу, но нам это не важно. Нам важно, что у них есть гитара, а у нас нет, и тратить вечер без гитары нам совсем не интересно — не так уж надолго мы сюда приехали.

Поют пионеры плохо. Они пробуют копировать нынешнюю эстраду, но слуха ни у кого из них нет, и даже такое простое дело у них не получается. Женька скромно подсаживается на бревнышко и просит гитару — оказывается гитар у них две. И еще оказывается, что они ни разу не слышали «Люди идут по свету».

– Дети! Для тех, кто сидит у костра и пытается что-то петь, «Люди» — это песня номер один. Ее надо знать, как «Отче наш». Впрочем, «Отче наш», вы тоже не знаете, как и мы, разумеется. Мы сами «Людей» уже не поем — надоело. Но для вас споем обязательно.

И Женька поет «Людей», а я, Дюша и Шурик ему подпеваем. Гитара у них дрековская, но кое-что у нас все же получается. Тут появляется еще одна бутылка — это я говорю, чтоб не показалось, что я скрываю, что была водка. Водка была, но оказалась такой горькой, что я после первого раза пропускал, а ребятам она много не добавила — они люди закаленные. Без нее все было бы точно так же, по крайней мере, для меня.

Потому что была ночь, и темно, и кроме нас на берегу никакого света (получается, что мы — это свет; нет, свет — это костер), и наш небольшой мир кончается на освещенных лицах сидящих напротив. Дальше, за ними, ничего нет. Там тьма, ничто, и пока мы здесь сидим, пьем и поем, там не живут люди, не ходят звери, не стоят горы, не действуют законы, нет природы и мира, и если я обернусь и посмотрю в темноту, я не увижу, я никак не постигну того, что там. Потому что все здесь, в освещенном круге костра.

За «Людьми» идет песня номер два — «Виноградная косточка», они ее тоже не знают. Потом мы начинаем петь что попало и в конце концов сваливаемся на Гребенщикова, что и отмечено в эпиграфе к этому рассказу. Разгулявшись, мы начинаем орать, не щадя глоток, так что даже гитара становится почти не нужна. Незнакомые совсем друг другу люди, мы сходимся голосами на этих текстах, узнанных и выученных в разных местах и в разное время, — каждый в них слышит что-то свое, но какое это имеет значение?

Щекотрясам, видно, надоело слушать непонятные песни, и они начинают по одному расходиться — вот почему Женька сказал, что мы их разгоняем. Наш мир становится еще меньше. Потом мы устаем драть горло и начинаем философствовать. Оказывается, Шурик тоже москвич, и он тоже здесь в первый раз, приехал отдохнуть от столичной суеты.

– Послушай, — говорю я, — объясни мне такую простую вещь — почему на свете есть только две выделенные точки — Москва и Телецкое озеро, где могут жить и встречаться такие люди, как мы с тобой. Вчера на теплоходе я весь день проговорил с незнакомым мужиком о смысле жизни, и он тоже оказался из Москвы. А? Есть, наверно, закон природы на эту тему?

Шурик ничего не находит мне ответить, и мы обсуждаем законы природы, мировые катаклизмы и цены на магнитофонные кассеты. Он выслушивает мою теорию Бога, первая заповедь которой — «Ты есть Бог», а я решаю не спорить с его, в общем-то, сырой идеей, что человек — это одна большая молекула (Шурик — химик по специальности), и так далее. Не

оставляем мы без внимания и вопрос влияния алкоголя на потенцию к философии, потом нас заносит на идеалистов-солипсистов, и мы соглашаемся, что, в сущности, есть только я (или он, тут мы не договорились), а все остальное — плод моего (или его) воображения. После этого уже стало непонятно, разговариваем мы друг с другом или с собственными мыслями, но вспомнив, что это одно и то же, мы успокаиваемся и даем жару дарвинистам-эволюционистам, а заодно всем остальным материалистам, которых удастся припомнить. Дальше речь заходит о восточной мудрости, и Шурик по секрету шепчет мне, что человек воплощается на земле пятнадцать раз, и в следующий раз я воплощусь в Рамакришну, с чем я не берусь спорить, потому что в будущем еще не был.

Наконец, костер догорает, Женька с Андрюхой уходят в палатку, Шурик погружается в размышления, а я иду погулять по пляжу. Мир становится совсем маленьким и моим. Тишина вокруг мертвая — возню у палатки я слышу, но она никоим образом не запечатлется у меня в голове. Я не вижу почти ничего, ничего особенного не чувствую под ногами — там ровный мокрый песок — и могу совершенно спокойно считать себя единственным человеком на земле.

Я долго гуляю по берегу в таком блаженном состоянии, потом забираюсь наверх, нахожу палатку и укладываюсь в нее, прикрывшись чьим-то спальником. Все уже здесь и уже спят. И я посплю.

Митька проснулся свежий, как огурчик — что называется, ни в одном глазу. Он приподнялся на локте и поглядел по сторонам. Ага, значит, вчерашняя система сработала — не ложиться спать, не дойдя до состояния твердой походки. Вот здорово-то! Мелочь, а приятно.

Прошло, кстати, не так уж много времени — часа четыре, не больше. Вчера, когда он залезал в палатку, он заметил, что уже светает. Впрочем, какое же это «вчера», если это было всего четыре часа назад?

Спать совсем не хотелось. Митька вылез из-под спальника, перевалился к выходу и выставил голову наружу. Видимо, успел пройти дождь. Влажный воздух будто холодной салфеткой прикоснулся ко лбу, глазам, щекам, и потянул Митьку наружу. Он сложился пополам и вслед за головой высунул из палатки ноги. Бр-р-р. Теплые еще.

Из палатки был виден спуск на пляж, куст какой-то зелени, потом кусок травы, протока метров сто шириной и то, что за ней, километрах в трех — залив с косами, противоположная сторона озера и другой берег. Без отвращения натянув кроссовки, Митька выкарабкался из палатки, выпрямился во весь рост. Махнул руками, хрустнул позвонками, размял ноги, вытащил из-под навеса ватник и, накинув его на плечи, пошел к воде.

Костер потух — прогорел, и дождь прибил и унес оставшуюся золу. Вчера тут была навалена куча дров высотой в человеческий рост — всё спалили, не осталось ни палочки, ни веточки. Костра тоже не осталось, теперь на его месте мокрый песок с оспинами от капель дождя, такими же, как везде на берегу. Так бывает, если дрова прогорят до конца — не до угольев, а до золы. Митька ковырнул ногой песок — верхняя мокрая корка разломилась, открыв нижний слой сухого светлого песка. Волоча ноги, Митька пробороздил сухую дорожку от костра метра на полтора в сторону воды, потом ему это надоело, и он спрыгнул вниз на пляжик.

Он прошел десять шагов по ровному мокрому песку до воды, коснулся носками кроссовок кромки, нагнулся и, не спеша, присел. Попробовал ладонями воду — холодная. Потом раздвинув колени, просунул между ними локти и так, удобно устроившись, остался сидеть.

Красиво. Красиво и тихо. Зеленая, с почти отвесными километровыми стенами берегов, коробка гор; налитая на самом доньшке стальная гладь воды; серо-голубое, с клочьями высоких далеких облаков небо — такая картинка. За митькиной спиной серая вата утреннего тумана поспешает перевалиться за соседнюю гряду. Вата стыдливо подбирает клочковатый подол; недавний дождь — ее работа. Внизу движения почти нет; ни птицы, ни человека — все еще спит. На воде штиль, ветра нет, лес стоит недвижно. Только бесшумно втягивается за гору

тучка, заговорщицки подмигивая Митьке: «Мы одни тут с тобой. Ты уж будь добр, не выдавай меня, не говори, что это я вам воды в кружки налила». «Ладно, не выдам, видали мы таких» — отвечает ей Митька.

Они есть — эти горы, эта вода, это небо. Они всегда есть, они громадны, и маленький Митька сидит между ними на берегу и может только смотреть, только смотреть на них — и восхищаться. И когда он уйдет обратно по озеру, они останутся у него за спиной, останутся нетронутые, такие же, какими были, нимало не изменившиеся оттого, что под ними посидел и пофилософствовал Дмитрий-свет Алексеевич.

И там, где кончается одна гора, начинается другая, а где кончается та, начинается вода. Или небо, или что-то еще. А потом идет берег, и песок, и черное пятно на границе синего и желтого — это сидит у воды, засунув руки в ноги, человек в черном бушлате — на плотной мокрой поверхности, на которой остаются неглубокие четкие следы.

Все вплотную, все рядом и за все держится. Мир. Цельный кусок. Где тут место для чего-то еще? Где тут место для Рамакришны, где тут место для единого духа, для наших мозгов и слов? Как туда протиснуться, как его понять, этот мир; понять так, как мы понимаем наши собственные мысли; как стать им? Можно только ходить по нему, смотреть на него и жечь его. Смотреть на него или жечь его.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.